

Глава 4. Два аспекта свободы для современного человека

Предыдущая глава была посвящена анализу психологического смысла главных доктрин протестантизма. Мы показали, что новые религиозные доктрины были ответом на психологические запросы, возникшие в результате крушения средневековой социальной системы и зарождения капитализма. Основное внимание при анализе было обращено на проблему свободы в ее двойном смысле: было показано, что свобода от традиционных уз средневекового общества хотя и давала индивиду новое чувство независимости — заставляла его ощутить одиночество и изоляцию, наполняла его сомнениями и тревогой, вынуждала его к новому подчинению и к лихорадочной, иррациональной деятельности.

В этой главе я хочу показать, что дальнейшее развитие капитализма воздействовало на личность в том же направлении, какое было задано во время Реформации.

Доктрины протестантизма психологически подготовили человека к той роли, которую ему надлежало играть в современной промышленной системе. Эта система — ее практика и дух, выросший из этой практики, — охватив все стороны жизни, изменяла всю личность человека и обостряла те противоречия, о которых мы говорили в предыдущей главе: развивала индивида и делала его все более беспомощным, расширяла свободу и создавала новый тип зависимости. Мы не пытаемся описать здесь воздействие капитализма на структуру человеческого характера в целом, поскольку нас занимает лишь одна сторона этой общей проблемы — диалектический процесс развития свободы. Мы покажем, что структура современного общества воздействует на человека одновременно в двух направлениях: он все более независим, уверен в себе, критичен, но и все более одинок, изолирован и запуган. Понимание всей проблемы свободы зиждется на способности видеть обе стороны этого процесса; рассматривая одну из них, не забывать о второй.

Это трудно, потому что обычно мы мыслим не диалектически и склонны сомневаться в том, что одна и та же причина может одновременно вызвать два противоположных следствия. Кроме того, негативную сторону свободы — бремя, которое она представляет собой для человека, — вообще трудно осознать; особенно тем, кто всем сердцем стоит за свободу. Происходит это потому, что в борьбе за свободу внимание всегда было сконцентрировано на ликвидации старых форм власти и принуждения; в результате естественно появление такого чувства, что, чем больше этих традиционных форм принуждения уничтожено, тем свободнее стал человек. При этом мы не в состоянии увидеть, что, хотя человек избавился

от многих старых врагов свободы, в то же время появились новые враги; причем этими врагами становятся не столько разного рода внешние препоны, сколько внутренние факторы, блокирующие полную реализацию свободы личности. Мы полагаем, например, что свобода вероисповедания — это одна из решающих побед свободы. Но при этом не осознаем, что, хотя это на самом деле победа над теми силами церкви и государства, которые не позволяли человеку исповедовать религию в соответствии с его убеждениями, современный человек в значительной степени вообще утратил способность верить во что бы то ни было, не доказуемое методами точных наук. Или возьмем другой пример. Мы полагаем, что свобода слова — это последний шаг в победном шествии свободы. Но забываем при этом, что, хотя свобода слова действительно является важной победой над старыми ограничениями, современный человек находится в таком положении, когда многое из того, что "он" говорит и думает, думают и говорят все остальные. Пока человек не приобрел способности мыслить оригинально, то есть самостоятельно, не имеет смысла требовать, чтобы никто не мешал выражению его мыслей. Или еще: мы гордимся тем, что в своем образе жизни человек теперь не зависит от внешних властей, уже не диктующих ему, что делать и чего не делать. Но не замечаем роли таких анонимных авторитетов, как общественное мнение и "здравый смысл", которые так сильны именно потому, что мы готовы вести себя в соответствии с ожиданиями остальных, что мы внутренне боимся как-то отличаться от них.

Иными словами, мы зачарованы ростом свободы от сил, внешних по отношению к нам, и, как слепые, не видим тех внутренних препон, принуждений и страхов, которые готовы лишить всякого смысла все победы, одержанные свободой над традиционными ее врагами. В результате мы склонны считать, что проблема свободы состоит исключительно в том, чтобы обеспечить еще больше той самой свободы, которая уже получена нами в период Новой истории; мы полагаем, что защита свободы от тех сил, которые на нее покушаются, — это единственное, что необходимо. Мы забываем, что проблема свободы является не только количественной, но и качественной. Разумеется, необходимо защищать и отстаивать каждую из уже завоеванных свобод, необходимо их сохранять и развивать, но вместе с тем необходимо добиться свободы нового типа: такой свободы, которая позволит нам реализовать свою личность, поверить в себя и в жизнь вообще.

Любая оценка воздействия индустриальной системы на эту внутреннюю свободу должна исходить из понимания громадного прогресса, которым отмечено развитие человеческой личности при капитализме. Любая критика современного общества — если она отворачивается от этой стороны дела — наверняка основана на бессмысленной романтизации средневековья и критикует капитализм не ради прогресса, а ради разрушения важнейших достижений человека в Новой истории.

Протестантство дало толчок духовному освобождению человека. Капитализм продолжил это освобождение в психологическом, социальном и политическом плане. Экономическая свобода была основой этого развития, а средний класс его поборником. Индивид не был больше связан жесткой социальной системой, основанной на традициях и почти не оставлявшей возможностей для личного продвижения за пределы традиционных границ. Ему было дозволено и от него ожидалось, что в своих собственных экономических делах он достигнет тех высот, до каких позволят ему подняться его усердие, ум, храбрость,

бережливость или удача. Он рисковал проиграть и оказаться в числе убитых или раненных в этой жестокой экономической битве каждого с каждым, но мог и выиграть. При феодальной системе пределы его жизненному развитию были положены еще до его рождения. При капиталистической системе индивид — в особенности представитель, среднего класса, — несмотря на массу ограничений, имел шанс преуспеть за счет собственных достоинств и усилий. Перед ним была цель, к которой он мог стремиться, и нередко была перспектива эту цель достигнуть. Он учился полагаться на себя, принимать ответственные решения, отбрасывать любые предрассудки — и утешающие, и устрашающие...

Человек все более освобождался от уз природы; он овладел ее силами до такой степени, о какой нельзя было и мечтать в прежние времена. Люди становились равными; исчезали кастовые и религиозные различия, которые прежде были естественными границами, запрещавшими объединение человечества, и люди учились узнавать друг в друге людей. Мир все больше освобождался от таинственности: человек начинал смотреть на себя объективно, все меньше поддаваясь иллюзиям. Развивалась и политическая свобода. В силу своего нового экономического положения поднимавшийся средний класс смог завоевать политическую власть; а вновь завоеванная власть создала новые возможности для экономического прогресса. Основными вехами на этом пути были великие революции в Англии и во Франции и борьба за независимость Америки. Вершиной этой эволюции политической свободы явилось современное демократическое государство, основанное на принципе равенства всех людей и равного права каждого участвовать в управлении через выборные представительные органы. При этом предполагается, что каждый человек способен действовать в соответствии с собственными интересами, в то же время имея в виду благо всей нации.

Одним словом, капитализм не только освободил человека от традиционных уз, но и внес громадный вклад в развитие позитивной свободы, в развитие активной, критической и ответственной личности.

Однако это лишь одна сторона воздействия капитализма на развитие свободы. Другая состоит в том, что капитализм сделал индивида еще более одиноким, изолированным, подверженным чувству ничтожности и бессилия.

Прежде всего нужно отметить один из основных факторов капиталистической экономики — принцип частной инициативы. В отличие от феодального средневековья, когда человек занимал определенное место в упорядоченной и понятной социальной системе, капиталистическая экономика поставила каждого на собственные ноги. Что он делал, как делал, выгадал или прогадал — это никого больше не касалось, только его. Очевидно, что принцип частной инициативы способствовал процессу индивидуализации, и об этом всегда говорят как о важном вкладе в развитие современной культуры. Но, способствуя развитию "свободы от...", этот принцип помог и уничтожить все связи между отдельными индивидами, изолировал человека от его собратьев. Такое развитие было подготовлено учениями Реформации. У католиков отношение индивида к богу было основано на принадлежности индивида к церкви. Церковь была связующим звеном между ним и господом и таким образом, в чем-то ограничивая индивидуальность человека, позволяла ему предстать перед богом в качестве неотъемлемой части некоторой общности, группы.

Протестантство оставило индивида одним лицом к лицу с богом. Вера в понимании Лютера приобрела сугубо субъективный характер; у Кальвина столь же субъективный характер приобрела убежденность в спасении. Индивид, в одиночку стоящий перед могуществом бога, неизбежно ощущал себя сокрушенным и искал спасения в полнейшей покорности. Психологически этот духовный индивидуализм мало отличался от индивидуализма экономического: в обоих случаях индивид совершенно одинок, в обоих случаях он сталкивается с подавляющей силой, будь то господь, конкуренты или безликие экономические силы. Индивидуалистическое отношение к богу было психологической подготовкой к индивидуализму человека в мирской жизни.

Индивидуалистический характер экономической системы капитализма является бесспорным; усиление одиночества индивида под воздействием этого экономического индивидуализма может показаться сомнительным; теперь же мы переходим к пункту, который будет противоречить некоторым из наиболее распространенных и общепринятых концепций капитализма. Эти концепции предполагают, что в современном обществе человек стал центром и целью всякой деятельности; что все, что он делает, он делает для себя; что всемогущими движущими силами человеческой деятельности являются собственные интересы и эгоцентризм. Как видно из сказанного в начале этой главы, мы в какой-то степени признаем справедливость этих утверждений. За последние четыре столетия человек много сделал для себя, для своих целей. Однако то, что кажется ему его целью, в значительной степени вовсе не является таковой, если понимать под словом "он" не "труженика", не "производителя", а конкретное человеческое существо, со всеми его эмоциональными и интеллектуальными способностями. Вместе с самоутверждением индивида капитализм нес с собой также самоотрицание и аскетизм.

Чтобы разъяснить этот тезис, напомним сначала факт, уже упомянутый в предыдущей главе: в средневековой системе капитал был слугой человека, в современной — стал его хозяином. В средневековом мире экономическая деятельность была лишь средством достижения цели; целью являлась сама жизнь или — как это понималось католической церковью — спасение души человека. Экономическая деятельность необходима, даже богатство может послужить промыслу божьему, но любые внешние усилия осмысленны и достойны лишь постольку, поскольку они способствуют достижению главной жизненной цели. Экономическая деятельность, направленная на получение прибыли ради самой прибыли, показалась бы средневековому мыслителю столь же бессмысленной, сколь бессмысленным кажется сейчас отсутствие такой деятельности.

При капитализме экономическая деятельность, успех и материальная выгода стали самоцелью. Судьба человека состоит в том, чтобы способствовать росту экономической системы, умножать капитал — и не для целей собственного счастья, а ради самого капитала. Человек превратился в деталь гигантской экономической машины. Если у него большой капитал, то он — большая шестерня; если у него ничего нет, он — винтик; но в любом случае он — лишь деталь машины и служит целям, внешним по отношению к себе. Эта готовность подчинить свою личность внечеловеческим целям была фактически подготовлена Реформацией. Хотя, разумеется, ни Лютеру, ни Кальвину и в голову не приходила возможность подобного порабощения человека экономической деятельностью, в своих богословских концепциях они заложили основу именно такого развития, сломав

духовный стержень человека — его чувство гордости и достоинства — и внушив ему, что с точки зрения высших целей, лежащих вне его жизни, его усилия бессмысленны.

Как мы показали в предыдущей главе, один из главных тезисов Лютера состоял в том, что человек порочен по своей природе и, следовательно, его усилия бесполезны. Кальвин точно так же подчеркивал греховность человека и построил всю свою систему на идее, что человек должен до последней степени смирить свою гордыню и — больше того — что целью человеческой жизни является исключительно слава господня, а собственных целей у человека быть не должно. Таким образом, Лютер и Кальвин подготовили человека психологически к той роли, которую ему пришлось взять на себя в современном обществе: он чувствует себя ничтожным и готов подчинить свою жизнь исключительно внешним целям. Если человек может превратиться лишь в средство для возвышения славы господней, а господь не отмечен ни любовью, ни справедливостью, то такой человек достаточно подготовлен и к роли раба экономической машины, а со временем и какого-нибудь "фюрера".

Превращение индивида в средство достижения экономических целей коренится в особенностях капиталистического способа производства, при котором накопление капитала стало единственной целью экономической деятельности. Работают ради прибылей, но полученные прибыли не расходуются, а снова вкладываются в производство в виде нового капитала; этот возросший капитал приносит новые прибыли, которые вновь вкладываются в производство, и т. д. Разумеется, всегда были капиталисты, которые тратили деньги на роскошь, "проматывали" свои прибыли, но классические представители капитализма наслаждались работой, а не расточительством. Этот принцип накопления капитала — вместо его использования в потребительских целях — явился предпосылкой грандиозных достижений современной промышленной системы. Без такого аскетического отношения к жизни, без стремления вложить плоды своего труда в развитие производительных сил экономической системы наш прогресс в овладении силами природы был бы невозможен. Именно этот рост производительных сил общества позволяет нам — впервые в истории — представить себе такое будущее, в котором прекратится непрерывная борьба за удовлетворение самых насущных материальных нужд. Таким образом, принцип работы ради накопления капитала объективно сыграл громадную положительную роль в развитии человечества. Но субъективно он заставил человека работать ради внеличных целей, превратил его в слугу сооруженной им самим машины и тем самым усилил в нем чувство личной ничтожности и бессилия.

До сих пор мы говорили о тех индивидах в современном обществе, которые имели капитал и могли превращать его, свои прибыли в новые капиталовложения. Независимо от того, какими они были капиталистами крупными или мелкими, — их жизнь была посвящена выполнению их экономической функции, умножению капитала. Ну, а что с теми, у кого капитала не было, кто должен был зарабатывать себе на жизнь, продавая свой труд? Психологический эффект их экономического положения был, по существу, таким же. Во-первых, их наемный труд означает, что они зависят от законов рынка, подъемов и спадов производства, эффективности технологических усовершенствований в руках их нанимателя. Наниматель непосредственно манипулировал наемными работниками и олицетворял для них высшую власть, которой им приходилось подчиняться. Особенно это относится к

положению рабочих до и в течение XIX века. С тех пор профсоюзное движение дало рабочим определенную силу и тем изменило прежнее положение, при котором они были лишь объектом манипуляций.

Но кроме этой прямой и личной зависимости рабочего от нанимателя, существует и другая: рабочий, как и все общество, был охвачен тем же духом аскетизма и подчинения надличностным целям, который характерен, как мы видели, для владельцев капитала. Это неудивительно: в любом обществе дух культуры в целом определяется духом господствующих в этом обществе групп. Отчасти это происходит потому, что эти группы контролируют систему воспитания, школу, церковь, прессу, театр и таким образом имеют возможность внушать свои идеи всему населению; но, кроме того, эти властвующие группы обладают и таким престижем, что низшие классы более чем готовы принять их ценности, подражать им, психологически отождествлять себя с ними.

До сих пор мы утверждали, что капиталистический способ производства превратил человека в инструмент для достижения надличностных экономических целей и усилил тот дух аскетизма, индивидуальной ничтожности, который был подготовлен Реформацией. Этот тезис, однако, противоречит тому факту, что современный человек, очевидно, побуждается к деятельности отнюдь не аскетизмом и не жертвенностью, а, напротив, крайним эгоизмом и своекорыстием. Как же совместить тот объективный факт, что он превратился в слугу чуждых ему целей, с его субъективной уверенностью, будто им движет собственный интерес? Как примирить дух протестантизма, внушаемое им подчеркнутое самоотречение, с современной доктриной эгоизма, которая провозглашает, говоря словами Макиавелли, что эгоизм является мощнейшей движущей силой человеческого поведения, что стремление к личной выгоде сильнее любых моральных соображений, что человек скорее готов потерять родного отца, чем наследство? Быть может, это противоречие можно объяснить, предположив, что настойчивое самоотречение было всего лишь идеологической ширмой, а под ней прятался эгоизм, который нужно было скрыть? Такое предположение может оказаться в какой-то мере справедливым, но мы не считаем, что это полный ответ. Чтобы указать, где, по-видимому, скрывается разгадка, нам придется вникнуть в психологические тонкости проблемы эгоизма[41].

Мышление Лютера и Кальвина — как и мышление Канта и Фрейда — основано на предположении, что эгоизм и любовь к себе — это понятия идентичные. Любить другого — добродетель, любить себя — грех; и вообще любовь к другим и любовь к себе друг друга исключают.

С точки зрения теории здесь допускается ошибка в понимании природы любви. Любовь не создается каким-то специфическим "объектом", а является постоянно присутствующим фактором внутри самой личности, который лишь "приводится в действие" определенным объектом. Как ненависть — это страстное желание уничтожить, так и любовь — страстное утверждение "объекта"; это не "аффект", а внутреннее родство и активное стремление к счастью, развитию и свободе объекта любви[42]. Любовь — это готовность, которая в принципе может обратиться на кого угодно, в том числе и на нас самих. Исключительная любовь лишь к одному "объекту" внутренне противоречива. Конечно же, не случайно, что "объектом" явной любви становится определенная личность. Факторы, определяющие выбор

в каждом отдельном случае, слишком многочисленны и слишком сложны, чтобы обсуждать их здесь; важно, однако, что любовь к определенному "объекту" является лишь актуализацией и концентрацией постоянно присутствующей внутренней любви, которая по тем или иным причинам обратилась на данного человека.

Дело обстоит вовсе не так, как предполагает идея романтической любви: что существует только один человек на свете, которого вы можете полюбить, что найти. этого человека — величайшая удача в вашей жизни и что любовь к нему приведет вас к удалению от всех остальных людей. Любовь такого рода, которая может относиться только к одному человеку, уже самым этим фактом доказывает, что она не любовь, а садистско-мазохистская привязанность. Возвышающее утверждение личности, заключенное в любви, направлено на возлюбленного как на воплощение всех лучших человеческих качеств; любовь к одному определенному человеку опирается на любовь к человеку вообще. А любовь к человеку вообще вовсе не является, как часто думают, некоторым обобщением, возникающим "после" любви к определенной личности, или экстраполяцией опыта, пережитого с определенным "объектом"; напротив, это предпосылка такого переживания, хотя такая предпосылка и возникает лишь из общения с конкретными индивидами.

Из этого следует, что моя собственная личность в принципе также может быть объектом моей любви, как и любая другая. Утверждение моей собственной жизни, счастья, роста, свободы предполагает, что я вообще готов и способен к такому утверждению. Если у индивида есть такая способность, то ее должно хватать и на него самого; если он может "любить" только других, он вообще на любовь не способен.

Эгоизм — это не любовь к себе, а прямая ее противоположность. Эгоизм — это вид жадности, и, как всякая жадность, он включает в себя ненасытность, в результате которой истинное удовлетворение в принципе недостижимо. Алчность — это бездонный, истощающий человека колодец; человек тратит себя в бесконечных стараниях удовлетворить такую потребность, которая не удовлетворяется никогда. Внимательное наблюдение показывает, что эгоист, хотя он всегда усиленно занят собой, никогда не бывает удовлетворен. Он всегда беспокоен, его постоянно гонит страх где-то чего-то недобрать, что-то упустить, чего-то лишиться; он преисполнен жгучей зависти к каждому, кому досталось больше. Если присмотреться еще ближе, заглянуть в динамику подсознания, мы обнаружим, что человек такого типа далеко не в восторге от себя самого, что в глубине души он себя ненавидит.

Загадка этого кажущегося противоречия разрешается очень легко: эгоизм коренится именно в недостатке любви к себе. Кто себя не любит, не одобряет, тот находится в постоянной тревоге за себя. В нем нет внутренней уверенности, которая может существовать лишь на основе подлинной любви и утверждения. Он вынужден заниматься собой, жадно доставать себе все, что есть у других. Поскольку у него нет ни уверенности, ни удовлетворенности, он должен доказывать себе, что он не хуже остальных. То же справедливо и в отношении так называемой нарциссической личности, занятой не приобретением для себя, а самолюбованием. Кажется, будто такой человек любит себя до крайности; на самом же деле он себе не нравится, и нарциссизм — как и эгоизм — это избыточная компенсация за недостаточность любви к себе. Фрейд полагал, что при

нарциссизме любовь отбирается у всех остальных и вся направляется на себя самого. Верна лишь первая половина этого утверждения: такой человек не любит не только других, но и себя.

Но давайте вернемся к тому вопросу, с которого начался наш психологический анализ эгоизма. Мы столкнулись с противоречием: современный человек полагает, что его поступки мотивируются его интересами, однако на самом деле его жизнь посвящена целям, которые нужны не ему, то есть в соответствии с убеждением Кальвина, что единственной целью человеческого существования должна быть слава господня, а отнюдь не человек. Мы постарались показать, что эгоизм коренится в недостаточности уважения к себе и любви к своему истинному "я", то есть к конкретному человеческому существу в целом, со всеми его возможностями. "Личность", в интересах которой действует современный человек, — это социальное "я"; эта "личность" в основном состоит из роли, взятой на себя индивидом, и в действительности является лишь субъективной маскировкой его объективной социальной функции. Современный эгоизм — это жадность, происходящая из фрустрации подлинной личности и направленная на утверждение личности социальной. Для современного человека кажется характерной высшая степень утверждения своей личности; на самом же деле его целостная личность ослаблена, сведена лишь к одному сегменту целого — это интеллект и сила воли, а все другие составляющие его личности вообще отсечены.

Но даже если это так, разве усиление господства над природой не привело к усилению личности? В какой-то степени это верно, поэтому мы относим власть над природой к позитивной стороне развития индивида, о которой вовсе не хотим забывать. Но хотя человек достиг замечательных успехов в господстве над природой, общество оказалось не в состоянии управлять теми силами, которые само же и породило. Рациональность системы производства в технологическом аспекте уживается с иррациональностью той же системы в аспекте социальном. Людьми управляют экономические кризисы, безработица, войны. Человек построил свой мир; он построил дома и заводы, производит автомашины и одежду, выращивает хлеб и плоды. Но он отчужден от продуктов своего труда, он больше не хозяин построенного им мира, наоборот, этот мир, созданный человеком, превратился в хозяина, перед которым человек склоняется, пытаясь его как-то умиловить или по возможности перехитрить. Своими руками человек сотворил себе бога. Кажется, будто человек действует в соответствии со своими интересами; на самом же деле его целостная личность, со всеми ее возможностями, превратилась в орудие, служащее целям машины, которую он построил собственными руками. Человек тешится иллюзией, будто он является центром мира, но при этом он проникнут тем же гнетущим чувством ничтожности и бессилия, какое его предки испытывали перед богом, осознавая это чувство.

Чувства изоляции и беспомощности еще более усиливаются новым характером человеческих взаимоотношений. Конкретные связи одного индивида с другим утратили ясный человеческий смысл, приобрели характер манипуляций, где человек используется как средство. Во всех общественных и личных отношениях господствует закон рынка. Очевидно, что взаимоотношения между конкурентами должны быть основаны на взаимном безразличии. В противном случае любой из них был бы парализован в выполнении своей экономической задачи: сражаться с конкурентами, не останавливаясь в случае необходимости перед их экономическим уничтожением.

Тем же безразличием проникнуты отношения между нанимателем и наемным работником. Слово "employer"[43] содержит в себе все существо дела: владелец капитала так же "использует" другого человека, как использует машину, станок, но и работник использует нанимателя для достижения своих экономических целей. Их отношения таковы, что оба являются друг для друга лишь средством достижения цели, каждый является для другого лишь орудием, инструментом. Такие отношения не представляют собой, собственно, отношений между двумя человеческими существами, поскольку вне этой взаимной полезности они вовсе не заинтересованы друг в друге. Такой же инструментальный характер носят отношения между предпринимателем и потребителем. Потребитель не является для дельца конкретной личностью, чьи потребности он хотел бы удовлетворить, — это лишь объект его манипуляций. Таким же инструментальным стало и отношение к труду; в отличие от средневекового ремесленника современный производитель не заинтересован в своей продукции как таковой; он производит, по существу, для получения прибыли от вложенного им капитала, а что именно он производит — это зависит в основном от рынка, обещающего выгодное вложение капитала в ту или иную отрасль производства.

Не только экономические, но и личные отношения между людьми приобрели тот же характер отчуждения; вместо человеческих отношений они стали напоминать отношения вещей. Но, может быть, ни в чем этот дух отчуждения не проявился так сильно и разрушительно, как в отношении индивида к самому себе[44]. Человек продает не только товары, он продает самого себя и ощущает себя товаром. Рабочий продает свою физическую энергию; предприниматель, врач, наемный служащий продают свою "личность". Они должны иметь эту "личность", если хотят продать свои товары или услуги; эта личность должна быть привлекательной, а, кроме того, ее обладатель должен соответствовать целому ряду других требований: например, он должен быть энергичен, инициативен и т. д. и т. д. — в соответствии с ситуацией. И — как со всяким другим товаром рынок решает, сколько стоят те или иные человеческие качества, и даже определяет само их существование. Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него нет вообще никаких качеств; точно так же товар, который нельзя продать, ничего не стоит, хотя и обладает потребительной стоимостью. Таким образом, уверенность в себе, "чувство собственного достоинства" превращаются лишь в отражение того, что думают о человеке другие. У него нет никакой уверенности в собственной ценности, не зависящей от его популярности и рыночного успеха. Если на него есть спрос, то он считает себя "кем-то"; если же он непопулярен, он и в собственных глазах попросту никто. Эта зависимость самоуважения от успеха предлагаемой "личности" объясняет, почему для современного человека популярность стала настолько важной. От нее зависит не только успех в практических делах, но и способность человека сохранить самоуважение; без нее человек скатывается в пропасть неполноценности[45].

Как мы видим, новая свобода, которую принес индивиду капитализм, усугубила воздействие, уже оказанное религиозной свободой протестантизма. Индивид стал еще более одинок; стал инструментом в руках подавляюще превосходящих сил, внешних по отношению к нему; он стал "индивидом", но индивидом неуверенным и запуганным. Некоторые факторы помогали ему справиться с внешним проявлением его внутренней неуверенности. Прежде всего его "я" могло опереться на обладание какой-то собственностью. "Он" как личность и принадлежащая ему собственность были

неразделимы; одежда человека или его дом были частью его личности в той же мере, как и его тело. Чем меньше он чувствовал, что он "кто-то", тем больше нуждался в собственности. Если у индивида не было собственности или он ее терял, то ему недоставало существенной части нормального "я", его не считали полноценной личностью ни другие, ни он сам.

Другие факторы, на которые опиралось "я", — это престиж и власть. Частично они были производными от обладания собственностью, а частично являлись прямым результатом успеха в сфере конкуренции. Восхищение других людей и власть над ними укрепляли ту поддержку, которую давала собственность, составлявшая опору неуверенного индивида.

Для тех, у кого не было ни собственности, ни социального престижа, источником личного престижа становилась семья. Там индивид мог ощутить, что он "кто-то". Жена и дети ему подчинялись, он играл главную роль на домашней сцене и наивно воспринимал эту роль как свое естественное право. В социальном плане он мог быть никем, зато дома царствовал. Кроме семьи, чувство значительности давала человеку и национальная гордость (а в Европе нередко и классовая, сословная). Даже если он сам, лично ничего из себя не представлял, он был горд принадлежностью к группе, которую считал высшей по отношению к другим сравнимым группам.

Эти факторы, поддерживающие ослабленную личность, необходимо отличать от тех, о которых шла речь в начале главы: от действительной экономической и политической свободы, возможностей личной инициативы, развития просвещения. Эти последние факторы на самом деле усиливали личность и вели к развитию индивидуальности, независимости и рациональности. "Поддерживающие" факторы лишь помогали компенсировать неуверенность и беспокойство; они не излечивали, а только залечивали эти недуги, маскировали их и тем самым помогали индивиду не испытывать свою ущербность. Однако чувство уверенности, основанное на поддерживающих факторах, всегда было лишь поверхностным и сохранялось, лишь пока и поскольку эти факторы продолжали существовать.

Подробный анализ истории Европы и Америки в период от Реформации до наших дней мог бы показать, как две противоположные тенденции, присущие эволюции свободы, идут параллельно, или, скорее, переплетаются друг с другом, на протяжении всего этого времени. К сожалению, такой анализ выходит за рамки этой книги и должен быть отложен до будущих публикаций. В некоторые периоды и в определенных социальных группах свобода человека в ее позитивном смысле — независимость и достоинство личности — была доминирующим фактором. Так в общих чертах обстояло дело в Англии, во Франции, в Америке и Германии в те моменты, когда средний класс одерживал свои экономические и политические победы над представителями старого порядка. В этой борьбе за позитивную свободу средний класс мог опираться на те доктрины протестантизма, которые подчеркивали независимость и достоинство человека; в то же время католическая церковь объединялась с теми группами, которым приходилось бороться против освобождения человека ради сохранения своих привилегий.

В философской мысли Нового времени мы находим такое же переплетение двух главных аспектов свободы, как и в теологических доктринах Реформации. Так, для Канта и Гегеля

независимость и свобода индивида являются центральными постулатами их систем, однако они заставляют индивида подчиниться целям всемогущего государства. Философы периода Французской революции, а в XIX веке Фейербах, Маркс, Штирнер и Ницше снова бескомпромиссно выразили мысль, что индивид не должен быть подчинен никаким внешним целям, чуждым его собственному развитию и счастью. Однако в том же XIX веке реакционные философы недвусмысленно требовали подчинения индивида духовной и светской власти. Вторая половина XIX и начало XX века показали наивысшее развитие свободы в ее позитивном смысле. Не только средний класс, но и рабочий класс превратился в независимого и активного представителя новой свободы, борясь за собственные цели и в то же время за общие цели всего человечества.

С переходом капитализма в монополистическую фазу, что происходило в последние десятилетия, относительный вес двух тенденций свободы, по-видимому, изменился. Более весомы стали факторы, ослабляющие личность. Чувства бессилия и одиночества усилились, "свобода" индивида от всех традиционных связей стала более явственной, его возможности личного экономического успеха сузились. Он ощущает угрозу со стороны гигантских сил, и ситуация во многом напоминает ситуацию XV и XVI веков.

Наиболее важным фактором в этом процессе является возрастание силы и власти монополистического капитала. Концентрация капитала (не богатства) в определенных секторах экономической системы ограничила возможности успеха частной инициативы. Там, где побеждает монополистический капитал, с экономической независимостью большинства уже покончено. Для тех, кто продолжает бороться, — особенно для большей части среднего класса — эта борьба приобретает характер сражения против сил, настолько превосходящих, что прежние храбрость и вера в инициативу сменяются чувствами безнадежности и бессилия. Небольшая группа монополистов обладает огромной, хотя и неявной властью над всем обществом; судьба большей части общества зависит от решений этой группы. Инфляция в Германии в 1923 году и кризис в США в 1929-м усилили чувство неуверенности, разбили у громадного большинства надежду преуспеть за счет собственных усилий и традиционную веру в свои неограниченные возможности.

Мелкий или средний предприниматель, испытывающий угрозу со стороны крупного капитала, в ряде случаев может прекрасно продолжать свое дело: и получать прибыли, и сохранять независимость, но нависшая над ним угроза чрезвычайно усилила его чувство неуверенности. До сих пор он боролся с равными, но в конкурентной борьбе с монополиями он стоит против гигантов. Те из независимых предпринимателей, для которых развитие современной индустрии создало новые экономические функции, также находятся не в той психологической ситуации, как независимый предприниматель прошлого. Для иллюстрации рассмотрим положение группы независимых предпринимателей, которую иногда приводят в качестве примера нового образа жизни среднего класса: владельцев бензоколонок. Многие из них экономически независимы; они владеют своими предприятиями точно так же, как в прошлом владел своим заведением бакалейщик или портной. Но разница между ними есть, и разница громадная. Владелец магазина должен был обладать немалыми знаниями и опытом. Он имел выбор между несколькими оптовыми торговцами и мог обращаться к тому из них, кто обеспечивал ему наилучшее сочетание цен и качества товара; он имел свою клиентуру, потребности которой обязан был знать, каждому отдельному покупателю он

должен был помочь советом при покупке; он должен был решать, кому давать в кредит, а кому не стоит. В общем, роль предпринимателя старого типа определялась не только его независимостью, но и его знаниями, способностями, опытом. Положение владельца бензоколонки совершенно иное. Он продает лишь один товар горючее; в своей торговле он связан с нефтяными компаниями; он механически выполняет одно и то же действие — снова и снова заливает баки. Здесь гораздо меньше места для знаний, опыта и собственной инициативы, чем было в прежней розничной торговле. Его доходы определяются двумя факторами: ценой, которую он платит за бензин и смазочные материалы, и количеством водителей, которые останавливаются у его заправочной станции. Оба фактора от него практически не зависят; он функционирует как связующее звено между оптовым продавцом и покупателем. Психологически нет никакой разницы между таким "независимым" предпринимателем и наемным служащим: и тот и другой — винтики в огромной машине распределения.

Что касается нового среднего класса, состоящего из служащих и инженерно-технических работников — число которых резко возросло с расширением крупного бизнеса, — очевидно, что их положение очень отличается от положения независимых мелких предпринимателей старого типа. Можно, конечно, возразить, что и без той формальной независимости, какая была у портного или бакалейщика в былые времена, у "белых воротничков", по существу, не меньше, а больше возможностей развивать свои способности и инициативу, добиваться личного успеха. В какой-то мере это, конечно, справедливо, хотя и трудно судить, насколько широки эти возможности. Но психологическая ситуация здесь совершенно иная. Каждый из них является деталью огромной экономической машины, выполняет в высшей степени специализированную функцию, находится в состоянии жестокой конкуренции с сотнями других, занимающих такое же положение, и его безжалостно выгонят, если он отстанет. Короче говоря, даже если его шансы на успех иногда и бывают больше, он все равно потерял значительную часть уверенности и независимости прежнего предпринимателя; он тоже шестеренка — независимо от ее размера, — машина навязывает ему свой ход, он не имеет над ней никакой власти и по сравнению с нею совершенно ничтожен.

Психологическое воздействие громадности и подавляющей мощи крупного предприятия испытывает и рабочий. На небольшом предприятии прежних времен рабочий знал своего хозяина лично, был знаком с предприятием в целом, знал весь процесс производства; несмотря на то что рабочего принимали и увольняли в соответствии с законами рынка, конкретная связь с хозяином — и с производством вообще — давала ему ощущение какой-то почвы под ногами. На заводе, где работают тысячи людей, рабочий находится в другом положении. Хозяин превратился в абстрактную фигуру, его никто никогда не видит; "администрация" — это анонимная власть, с которой рабочий не имеет никакой прямой связи и для которой он как человек совершенно безразличен. Предприятие приобрело такие размеры, что рабочий видит лишь крошечный его сектор, где работает сам.

Это положение в какой-то степени поправили профсоюзы. Они не только улучшили экономическое положение рабочего, но и оказали важное психологическое воздействие, дав ему почувствовать свою силу и значительность в сравнении с теми гигантами, с которыми ему приходилось иметь дело. К сожалению, многие союзы сами разрослись в гигантские организации, в которых осталось очень мало места для инициативы их отдельных членов.

Они платят свои взносы, время от времени голосуют, но снова являются мелкими деталями большой машины. Чрезвычайно важно, чтобы профсоюзы превратились в организации, опирающиеся на активное сотрудничество каждого из членов, и строили свою работу таким образом, чтобы каждый мог принимать участие в жизни организации и чувствовать себя ответственным за все, что в ней происходит.

Незначительность индивида в наше время относится не только к его роли в качестве предпринимателя, служащего или рабочего, но и к его роли в качестве потребителя. В последние десятилетия эта роль коренным образом изменилась. Клиент, приходивший в магазин, где хозяином был отдельный независимый торговец, привлекал специальное внимание; его покупка была важна для владельца магазина; покупателя принимали там как значительную персону, его желания изучались; сам акт покупки чего бы то ни было давал ему чувство значительности и достоинства. Насколько это непохоже на отношения покупателя с универмагом! Его подавляет громадность здания, масса персонала, горы выставленных товаров; все это заставляет его почувствовать себя маленьким и незначительным. Как индивид он ничего не значит для универмага, он важен лишь как статистическая "единица". Магазин не хочет потерять его: такая потеря означала бы, что что-то не в порядке и по этой же причине можно потерять и остальных клиентов. Как абстрактный покупатель он важен, но как конкретный человек не значит ничего. Никто не радуется его приходу, никому нет особого дела до его желаний; акт покупки в магазине стал похож на покупку почтовых марок.

Это положение еще более усугубляется методами современной рекламы. Торговец старой школы, предлагая свой товар, обращался в основном к разуму клиента. Он знал, что у него есть, знал нужды покупателя и старался продать свой товар на основе этого знания. Конечно же, продавец не бывал совершенно объективен; конечно же, он использовал внушение как только мог, но, чтобы добиться успеха, он должен был говорить о своих товарах разумно и здраво. Широкий сектор современной рекламы работает совершенно иначе. Реклама апеллирует не к разуму, а к чувству; как любое гипнотическое внушение, она старается воздействовать на свои объекты эмоционально, чтобы заставить их подчиниться интеллектуально. Реклама этого типа воздействует на покупателя всеми средствами: ему снова и снова повторяют одни и те же формулы; на него воздействуют авторитетом какой-нибудь звезды общества или знаменитого боксера, которые курят именно эти сигареты; его привлекают и одновременно притупляют его критические способности сексуальными прелестями красавиц, изображенных на плакатах; его запугивают тем, что от него дурно пахнет, либо поощряют его мечты о внезапной перемене в жизни, которая произойдет, как только он купит вот эту рубашку или вот это мыло. Все эти методы в основе иррациональны, они не имеют ничего общего с качеством товаров, они усыпляют и убивают критические способности покупателя, как опиум или прямой гипноз. В такой рекламе есть элемент мечты, воздушного замка, и за счет этого она приносит человеку определенное удовлетворение — точно так же, как и кино, — но в то же время усиливает его чувство незначительности и бессилия.

По сути дела, эти методы усыпления способности к критическому мышлению гораздо опаснее для нашей демократии, чем открытые нападки на нее; в смысле же воздействия на человеческую личность они гораздо безнравственнее непристойной литературы, издание

которой наказуемо. Потребительское движение пытается восстановить критические способности, достоинство и самоуважение покупателя и, таким образом, действует в том же направлении, что и профсоюзы; однако до сих пор это общественное движение не вышло за пределы скромных начинаний.

Все сказанное касается не только экономической сферы, но и политической. На заре демократии существовало множество самых различных организаций, в которых человек мог конкретно и активно участвовать в голосовании за определенные решения или конкретных кандидатов в выборные органы. Вопросы, которые там решались, — так же как и кандидаты — были ему знакомы; голосование, часто проводившееся на общем собрании всего населения города, было конкретным актом, при котором индивид в буквальном смысле слова считался. Сегодня избиратель имеет дело с гигантскими партиями, которые так же далеки от него и так же подавляют, как гигантские промышленные корпорации. Различия предвыборных программ сложны и становятся еще сложнее оттого, что их всеми способами затемняют. Перед выборами избиратель еще может мельком увидеть своего кандидата, однако с распространением радио он, по-видимому, лишится и этой возможности и, таким образом, потеряет последний шанс зримо оценить "своего" кандидата[46]. Фактически ему предлагается выбор между двумя-тремя кандидатами партийных машин; но он этих кандидатов не выбирал, он почти ничего о них не знает, их взаимоотношения так же абстрактны, как почти все остальные отношения.

Методы политической пропаганды усиливают чувство ничтожности избирателя, так же как методы рекламы воздействуют на покупателя. Повторение лозунгов, упор на такие факторы, которые не имеют ничего общего с принципиальными разногласиями, — все это усыпляет его критические способности. Ясное и рациональное обращение к его мышлению — это скорее исключение, нежели правило в политической пропаганде, даже в демократических странах. Сталкиваясь с размерами и мощью партий в том виде, как это изображено в их политической пропаганде, отдельный избиратель не может не чувствовать себя крошечным и ничего не значащим.

Все это вовсе не значит, что реклама и политическая пропаганда открыто признают незначительность индивида. Совсем наоборот: они льстят индивиду, придавая ему важность в собственных глазах, они делают вид, будто обращаются к его критическому суждению, его способности разобраться в чем угодно. Но это лишь способ усыпить подозрения индивида и помочь ему обмануть самого себя в отношении "независимости" его решений. Вряд ли нужно оговаривать, что пропаганда, о которой я говорю, не является полностью иррациональной, что в пропаганде различных партий и соответственно кандидатов имеют некоторый вес и рациональные факторы.

Растущее бессилие индивида усиливается и другими факторами. Экономическая и политическая сцена расширилась и усложнилась; человеку все труднее разобраться в происходящем. Угрозы, с которыми он сталкивается, тоже возросли. Всеобщее чувство неуверенности усилилось из-за хронической безработицы миллионов людей. Хотя поддержка безработных за счет общественных средств много сделала для того, чтобы как-то сбалансировать результаты безработицы и в экономическом, и в психологическом плане, однако остается фактом, что для огромного большинства бремя безработицы крайне тяжело

психологически, и угроза безработицы полностью отравляет всю их жизнь. Иметь работу — все равно какую — это для многих предел мечтаний, нечто такое, за что они были бы несказанно благодарны. Безработица усилила и угрозу старости. На многих производствах нужны только молодые люди пусть и неквалифицированные, — которых можно легко и быстро обучить; нужны такие, которых можно без труда превратить в деталь машины, приспособленную для выполнения определенной операции.

В развитие чувства индивидуального бессилия вносит весомый вклад и угроза войны. Разумеется, войны были и раньше. Но со времени последней войны средства уничтожения так чудовищно выросли, что смертоносному действию войны теперь подвержены все без исключения; угроза войны превратилась в кошмар, который нависает над жизнью каждого человека и усиливает его чувства страха и собственной беспомощности, хотя многие, может быть, и не осознают этого, пока их страна еще не втянута в войну.

Нарисованной выше картине соответствует "стиль" нашего времени в целом. Неоглядность городов, в которых индивид теряется; здания, высокие, как горы; непрерывная акустическая бомбардировка радио; газетные заголовки, сменяющиеся трижды в день и не дающие времени сообразить, что же на самом деле важно; реву, в которых сотни девушек демонстрируют способность истребить свою индивидуальность и действовать с точностью механизма в огромной слаженной машине; бьющие ритмы джаза — все это лишь отдельные черты того общего положения вещей, при котором индивид противостоит не зависящим от него огромным величинам, ощущая себя песчинкой в сравнении с ними. Все, что он может, — это "пойти в ногу", как марширующий солдат или рабочий у конвейерной ленты. Он может действовать, но чувство независимости и собственной значимости он потерял.

Насколько преисполнена чувствами страха и незначительности масса средних американцев, хорошо видно из популярности мультфильмов о Микки-Маусе. Один и тот же сюжет этих фильмов — при всем многообразии вариантов — состоит в том, что кого-то крошечного преследует нечто подавляюще сильное, огромное, угрожая убить или проглотить малыша. Малыш удирает, в конце концов ему удается спастись или даже как-то навредить своему врагу. Люди не стали бы постоянно смотреть одно и то же, пусть и в разных вариациях, если бы этот сюжет не затрагивал чего-то очень близкого их собственной эмоциональной жизни. Очевидно, что крошечное создание, преследуемое жестоким и сильным врагом, — это сам зритель; именно так чувствует себя он, с такой ситуацией он отождествляет свою собственную. Но конечно, это не могло бы иметь постоянной притягательности, если бы не было счастливого финала. Зритель переживает все свои страхи, свое чувство ничтожности, но под конец получает утешительное ощущение: несмотря ни на что, он все-таки спасется и даже победит сильного врага. Однако — и в этом состоит весьма существенная и грустная сторона "счастливого конца" — его спасение зависит главным образом от его способности удирать и от непредвиденных случайностей, мешающих чудовищу поймать его.

Положение, в котором находится индивид в наши дни, предсказывали уже дальновидные мыслители прошлого века. Кьеркегор описал беспомощного индивида, раздираемого мучительными сомнениями, подавленного чувствами одиночества и ничтожности. Ницше наглядно изобразил приближающийся нигилизм, воплотившийся в нацизме, и написал портрет "сверхчеловека" как отрицание потерянного и ничтожного человека, какого он

видел в действительности. Тема бессилия человека нашла наиболее яркое выражение в творчестве Франца Кафки. В своем "Замке" он изображает человека, который хочет войти в контакт с таинственными обитателями замка; предполагается, что они подскажут ему, как жить, укажут его место в мире. Вся его жизнь состоит из отчаянных попыток встретиться с ними, но это ему так и не удастся; и он остается один с чувством полнейшей безнадежности и пустоты.

Эти чувства изоляции и бессилия прекрасно отражены в следующем отрывке из дневника Джулиана Грина: "Я знал, что мы мало значим в сравнении с Вселенной, я знал, что мы — ничто; но быть столь безмерно ничтожным — это одновременно и подавляет и утешает. Эти числа, эти расстояния, которые человек не в состоянии даже представить себе, — они ошеломляют. Так есть ли хоть что-нибудь, за что мы можем ухватиться? Среди того хаоса иллюзий, в который мы бросаемся очертя голову, есть только одна истинная вещь, и это любовь. Все остальное — ничто, пустота. Мы заглядываем в огромную черную бездну. И нам страшно".

Однако чувство изоляции и бессилия индивида, выраженное этими авторами и ощущаемое множеством так называемых невротиков, нормальным средним человеком совершенно не осознается. Осознать его слишком страшно — и человек прячет его под рутинной своих повседневных дел, под признанием, которое он находит в личных или общественных связях, под деловым успехом и целым рядом развлечений — "повеселиться", "пообщаться", "покататься" и т. д. Но от свиста в темноте светлее не станет. Одиночество, страх и потерянности остаются; люди не могут терпеть их вечно. Они не могут без конца владеть бремя "свободы от"; если они не в состоянии перейти от свободы негативной к свободе позитивной, они стараются избавиться от свободы вообще. Главные пути, по которым происходит бегство от свободы, — это подчинение вождю, как в фашистских странах, и вынужденная конформизация, преобладающая в нашей демократии.

Прежде чем перейти к описанию этих двух социально обусловленных путей "бегства", я должен попросить читателя вникнуть вместе со мной в тонкости психологических механизмов этого "бегства". С некоторыми из этих механизмов мы уже встречались в предыдущих главах; но чтобы полностью понять психологическое значение фашизма, а также автоматизирующего человека конформизма в современных демократиях, необходимо не только иметь общее представление о психологических явлениях, но и конкретно знать, как они происходят.

Это может показаться лишним отступлением от темы, но без него не обойтись. Без знания социального и культурного фона нельзя правильно понять психологические проблемы, но точно так же нельзя понять социальные явления, не зная действия лежащих в их основе психологических механизмов. В следующей главе мы проанализируем эти механизмы, выясним, что происходит с индивидом, и покажем, как в попытках избавиться от одиночества и бессилия мы готовы отказаться от собственной личности, либо подчиняясь новым формам власти, либо подстраиваясь под общепринятые шаблоны поведения.